
СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

М. Петрусек

В статье выдающегося чешского социолога Милослава Петрусек (1936—2012) обсуждается ряд теоретических, методологических и практических проблем, актуальных для развития современной социологической науки. В частности, автор касается различных подходов к классификации западной социологической традиции (Р. Коллинз, Р. Будон), поднимает фундаментальный вопрос о специфике социологического познания общественных явлений, характеризуя его «мультипарадигмальный» статус, указывает на ряд сложностей, связанных с особенностями процесса преподавания социологии в университетах в условиях радикальной плюрализации интеллектуальной жизни, типичной для «эпохи постмодерна».

Ключевые слова: социологическая традиция, структурный функционализм, интерпретативная социология, интеракционизм, критическая социология, социология конфликта, принцип комплементарности, социология знания, социальная обусловленность мышления, парадигма, мультипарадигмальность, субъект и объект в социальном познании, рефлексивный модерн, постмодерн, сциентизация, социологическое образование, наследие классиков социологии.

Не нужно ссылаться на авторитеты, чтобы доказать факт, о котором социологи прекрасно знают, но не любят говорить. Он состоит в том, что социология в ряду естественных и даже гуманитарных наук занимает исключительное положение, — характеризующееся перманентной изменчивостью и неуверенностью. Это факт становится очевидным, если мы исходим из тривиальной предпосылки, которая полностью не относится ни к одной социальной или гуманитарной науке, и как будто бы вообще неприменима к наукам естественным. Дело в том, что социология в равной мере является (согласно правилам построения науки) и структурированным инструментом познания социальной действительности, и ее неотъемлемой частью. Первое понятно, так сказать, *ex definiote*, даже если социологи в большинстве своем и не сходятся в ответах на вопрос, что собственно должно считаться *специфическим* предметом социологического познания. Тем не менее, все они сходятся как минимум в том, что этим предметом являются некие *социальные феномены*.

Под мало определенное понятие «социального феномена» может подпадать предельно широкий круг феноменов: простые социальные интеракции *face-to-face*, структуры человеческих отношений в социальных организациях самых различных типов, и, наконец, «грандиозные трансформации», подобные переходу европейских обществ к модерну, или иначе — трансформации социальных институтов традиционного общества в институты общества индустриального [15] и затем постиндустриального [2].

Согласно Р. Коллинзу, в истории классической социологии, растянувшейся более чем на столетие (от О. Конта до 1960-х гг., когда заканчивается эпоха т.н.

---

* Перевод с чешского Н.П. Нарбута.

великих систем, представленных П. Сорокиным, Ж. Гурвичем и особенно Т. Парсонсом), по существу, закрепилось внутреннее деление на три или четыре основных течения — социально-фактологическое («дюркгеймовское»), социально-интерпретативное («микроинтеракционистское») и социально-конфликтное [12]. Коллинз впоследствии модифицировал собственное понимание «социологической традиции», используя другие термины для обозначения школ или направлений, а также добавив четвертую традицию, а именно рационально-утилитаристскую [4]. Указанные течения находились в перманентном споре, нередко подогреваемом идеологическим неприятием, но, в целом, терпимо относились, или, по крайней мере, считались друг с другом.

Первую ориентацию представляла концепция, подчеркивавшая, что социальные феномены (единственно чем должна заниматься социология) — это социальные факты, которые находятся вне индивида и, — сказано хорошим старомодным термином, — «подавляют» его. Индивидуум их не выдумывает, осваивает и подчиняется им. А если он так не поступает, то вступает в спор с обществом, которое наделено практически божественными качествами, особенно способностью подвергать нелояльного человека легитимным санкциям [13]. Назовем этот подход *дюркгеймовским*.

Его противоположностью, не ставившей под сомнение объективное существование социальных феноменов и не исключавшей фактов социального давления, было представление, сделавшее акцент на другом, — а именно, что никакой социальный феномен не является социальным до тех пор, пока он не воспринимается и не интерпретируется как социальный. «Понимание» попадает в центр воззрения на социальную действительность, и это — понимание в двух смыслах: социальный контакт и возникновение социального отношения невозможно без взаимного понимания (с одной стороны), но характер, возникновение и развитие социальных организаций, структур и отношений возможны и без понимания со стороны исследователя (с другой стороны). Назовем этот подход *веберовским (возможно, мидовско-знанецковским)*.

Третья традиция связана с именем *К. Маркса*. Маркс создал альтернативное по отношению к контовской идее порядка видение общества как конфликтной конфигурации, как процесса перманентного возникновения и разрешения конфликтов, особенно на макросоциологическом уровне, на уровне конфликтного отношения общественных классов.

Четвертая традиция основывается на тесной связи социологии и экономической науки, точнее — на решительной интервенции экономического видения мира в традиционную социальную оптику. В сущности, речь идет о нескольких параллельных теориях, которые с разной степенью интенсивности трансформируют социальное отношение в экономическое (или хотя бы находят экономические элементы там, где их социология до этого не видела). Со времен формулирования центральных идей отца современной экономики Адама Смита, бывшего также и «моральным философом», вплоть до начала 1960-х гг. экономическое видение социального мира проявлялось как исключение. Даже у Маркса речь не шла об «экономической парадигме», а его социальная теория достаточно решительно

отделена от чисто экономических текстов. Джордж Хоманс привнес в социологию «теорию обмена». Эта концепция была радикализована Гэри Беккером до попытки интерпретации всех социальных процессов как процессов рационального обмена и т.д. Для данного взгляда на социальный мир существенным было: а) возвращение на арену общественной жизни индивидуального актора, принимающего самостоятельные решения, б) упор на рациональность человеческого поведения. Назовем этот подход *теорией рационального выбора (или хомансовско-беккеровской «парадигмой»)*.

Именно подобным образом структурирована *социологическая традиция*. Можно и далее дополнять ее именами, направлениями и концепциями, но ее основной каркас в действительности примерно такой. Относительно спокойное существование отличных ориентаций и объяснений социального мира естественно нарушало другое обстоятельство, оказывавшее существенное влияние на характер социологии как науки: *ни одна из этих традиций не могла освободиться от своей социальной обусловленности*. Каждая из них социальную действительность не только выражала, более или менее адекватно изображала (избежим словосочетания «правдиво изображала», чтобы не покоробить слух постмодернистских эпистемологов). Высказывания о социальной действительности были в значительной степени обусловлены тем, из каких социальных корней они вырастали, с какими социальными интересами были связаны, каким социальным силам служили и в какой мере этой связью (де)формировалось соответствующее видение социального мира.

На подобную ситуацию впервые, как известно, систематически обратил внимание еще Фрэнсис Бэкон в своей знаменитой концепции «идолов», искажающих наше видение мира. В «Новом Органоне» мы читаем о том, что все искажает наше познание: от языка, социальных контактов вплоть до обремененности философской традиции. В одном случае, однако, Бэкон поддался атмосфере своего времени, а именно вере, считая, что можно освободиться от пут идолов, обладая твердой волей: «Все они должны быть отвергнуты и отброшены... — с энтузиазмом пишет он, — и разум должен быть совершенно освобожден и очищен от них. Пусть вход в царство человека, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное, „куда никому не дано войти, не уподобившись детям“» [3. С. 33]. Бэкон не мог знать, что это невозможно, что естественные науки, пугающие идолов, в своем большинстве ограничены, а социология с самого начала и во всех своих формах ими опутана. О социологии Бэкон не мог иметь представления, так как она еще не существовала даже *in statu nascendi*. Начала социологии восходят самое раннее к Джамбаттиста Вико, издавшем в 1725 г. свои «Основания новой науки об общей природе наций». Маркс, а потом особенно К. Мангейм, будут искать объяснение и понимание этих вещей в концепции идеологии и в создании самостоятельной области социологического исследования — *социологии знания*.

Социология знания, возникшая в двадцатые годы XX столетия, стремилась отличаться от марксовской теории идеологии, несмотря на то, что исходила из нее: «Социология знания тесно связана с учением об идеологии... Учение об идеологии

ставит перед собой задачу разоблачать более или менее осознанные ложь и маскировку, применяемые отдельными группами людей, в первую очередь политическими партиями. Социология знания рассматривает не столько те случаи, когда более или менее осознанная воля ко лжи или маскировке подлинной ситуации направляет высказывания данного лица в определенную сторону, сколько те, где общественная структура со всеми ее феноменами должна быть воспринята различным образом наблюдателями, помещенными в различных пунктах этой структуры» [б. С. 220]. Прелестная наивность, которую мы отметили у Бэкона, как бы возвратилась в размышлениях Мангейма, предложившего, так сказать, «примирение». Мангейм своим «реляционизмом» (ни в коей мере не релятивизмом) попытался доказать, что взгляд на социальную действительность различается в зависимости от того, смотрим ли мы на нее «из дворца или из хижины»: *nil sub sole novi*.

Однако подобно историкам определенного склада, которые хотели знать «как это было на самом деле», радикальные позитивисты в социологии прониклись глубоким убеждением, что применение «точных методов» избавит от какой-либо идеологической зависимости и даже от социальной обусловленности вообще. Мы не допускаем, что их представление является полностью иллюзорным, наоборот — к ним применимо брехтовское (или гавеловское) — *лучше всего служит тот, кто не знает, что служит*. Кстати, с этой точки зрения, критика Пола Фейерабенда, представленная в работе «Против метода», вполне оправдана.

Затем смерч критики обрушился со стороны т.н. радикальной социологии (Ч.Р. Миллс, А. Гоулднер, всей неомарксистской традиции, включая Франкфуртскую школу и др.). Он смел карточный домик позитивистского, «точного» видения мира, — но сама критика стала служить противоположному полюсу общественно-политического спектра, а именно «левым» в разнообразных институциональных формах. Предложенное Мангеймом примирение заключалась в констатации, что «в ряде областей историко-социального познания знание конститутивно содержится в позиции познающего субъекта и что это не умаляет значения знания... Ведь и в визуальном изображении предмета в пространстве то обстоятельство, что предмет может быть в силу природы вещей дан только в перспективе, не является источником ошибки; и проблема состоит не в том, как создать изображение, лишенное перспективы, а в том, как посредством сопоставления различных точек зрения понять сущность перспективы как таковой и тем самым достигнуть объективности нового типа» [б. С. 248]. Так как подобную проблему во времена Мангейма решала и современная физика, я давно позволил себе реформулировать тему до подобия идеи *комплементарности в социологии* [18]. Несмотря на то, что подобные голоса звучали и из авторитетнейших мест, вместо попытки поиска такого видения мира, которое стремилось бы к «новой объективности», начиная с 1960-х гг. в социологии разыгралась новая борьба — на этот раз не внутри традиции, а против нее и в противоречии с ней.

Ни в одной другой науке понятие «*парадигма*» не сделало такой карьеры, как в социологии. Этот многозначный термин, в 1960-х гг. внесенный в философию

науки Томасом Куном, представлял для социологии смертельную угрозу. Согласно Куну, «нормальной наукой» является только такое упорядочение знания, которое руководствуется одной доминирующей парадигмой, т.е. одним сочетанием теоретических, методологических, технических и языковых правил. Данная парадигма может в один прекрасный момент измениться в результате *научной революции*, которая подорвет старую парадигму и постепенно установит власть новой [5]. Эта небесспорная схема, выведенная из развития астрономии и оптики, будучи распространённой на социологию, означала две вещи: 1) социология не является и никогда не была стандартной, «нормальной» наукой, поскольку — как мы уже видели — с самого начала ее развитие было отмечено сосуществованием нескольких отличных, нередко противоположных оптик или парадигм (конфликт — равновесие, индивидуум — структура и т.д.); 2) социология именно вследствие вовлеченности в объект, который она сама изучает, являясь его составной частью, не может избавиться от этой Каиновой печати. Более того, она и не хочет от нее избавляться. С 1960-х годов, — сказано другим модным словом, а сейчас уже стандартным, — она стала *мультипарадигмальной*, хотя все-таки основная разделительная черта постоянно проводится на осях «факт — понимание, консенсус — конфликт». Если еще в 1975 г. Раймон Будон идентифицировал три доминирующих (маркоструктурных) парадигмы — функционалистскую, интеракционистскую и неомарксистскую [10], то сегодня существует несколько типологий, которые дают возможность говорить о совершенно небывалом плюрализме парадигм. Более того, социология вследствие беспрецедентных историко-социальных изменений второй половины XX столетия «сменила программу». Целый комплекс традиционных для нее проблем исчез, потому что, как говорится, исчез реально (социальные группы, как их понимали в традиционном смысле, распались, классическая классовая структура превратилась в другой тип неравенства, и т.д.). Зигмунт Бауман со своим учеником Тимом Мейем наглядно показали, как данная «нетрадиционная программа» выглядит конкретно [9]. При этом всплыл ряд тем — отчасти «связанных с реальностью» (хотя и она не осталась не поставленной под сомнение), отчасти софистически надуманных. То, что мы живем в мире, в котором изменилась роль тела и телесности, отношение к другим и чужим, но также отношения родителей и детей, что в обществе произошла т.н. коммодификация культуры, изменилось понятие народа и национализма и т.д., — в этом нет сомнения. Социология начала активно работать с новым понятийным аппаратом — с категорией идентичности (индивидуальной, групповой, национальной, этнической и т.д.), с понятием гендера, с термином «мультикультурализм» и скрытым за всем этим множеством других частных тем и проблем. Более того, указанные факты и реалии втянуты в глобализирующийся мир, которому одни пророчат экологическую катастрофу, а другие — перспективы вхождения в светлое будущее.

Мы живем не только в постиндустриальном обществе с его чрезмерным потреблением и специфическими формами социального неравенства, но также и в обществе повышенного социального риска. Одна из наиболее значительных книг второй половины XX столетия «Общество риска» Ульриха Бека [1] касается инте-

ресного различия. Согласно Беку, можно различать модернизацию традиционного и индустриального общества, а также различать два вида *сциентизации общества*, т.е. того, как наука внедряется в общество. В первой фазе, где речь идет о *простой сциентизации*, наука применяется к природному миру, человеку и обществу, естественно, с ожиданием какого-то позитивного эффекта. Во второй — *рефлексивной* — фазе большинство наук находится в конфронтации со своими последствиями и продуктами. Речь идет не только об атомной бомбе, манипуляциях с генетическим материалом или экологических последствиях некоторых инициированных и ставших возможными благодаря науке технологических проектов. Речь идет — и не в последнюю очередь — о социологии. Э. Гидденс говорит, что «главное положение социологии в рефлексивной современности вытекает из ее роли как наиболее общего типа рефлексии современной социальной жизни... Современность (модерн) сама глубоко и внутренне социологична» [14. S.44]. Социология в современном мире не может рассматриваться ни как «руководство к действию», как бы сказали ортодоксальные марксисты, ни как руководство к «рациональной реконструкции мира», как сказал бы Фридрих фон Хайек или Вацлав Клаус. Она может быть только ограниченной совокупностью экспертного знания, хотя Гидденс и не конкретизирует эту мысль. Мы знаем, что «так должны действовать», с большим или меньшим успехом «так и действуем», но необходимый третий рефлексивный шаг, заключающийся в том, чтобы социология эффективно отражала саму себя, все же отсутствует.

Попробуем уклониться здесь от обвинений в охваченности социологии духом *постмодернового релятивизма* и от сомнений, насколько глубоко она стремится к познанию действительности в том традиционном смысле, который разделяли все предыдущие поколения социологов. Наш мир в определенном смысле есть постмодерн. Но необходимо ли общество постмодерна исследовать средствами постмодерна? Кто-то когда-то в этой связи пошутил — нужно ли в изучении зеленого листа применять зеленый метод? Мы ни в коем случае не ставим под сомнение легитимности постмодернистского взгляда на общество и не разделяем «радикализма» консервативных критиков, которые в постмодернизме видят, с одной стороны, кульминацию наиболее отталкивающих мыслительных традиций европейского кризисного сознания, а, с другой, — кумуляцию всех разлагающих идеологических идей, которые по своим последствиям приведут к деструкции «старого—добраго» консервативного мира. Мышление постмодерна так же, как и всего позднего модерна, амбивалентно [8]; оно и разлагающе и конструктивно, рефлексивно и провокативно, элементарно понятно и до абсурдного туманно. Наиболее существенным, *с точки зрения преподавателя высшей школы*, является то, что амбивалентность парадигмы постмодерна дает *позитивное* расширение и обогащение тематического содержания, понятийного аппарата и методологии, но одновременно привносит тенденцию к *радикальной закрытости групп посвященных*, которые начинают понимать только друг друга и демонстрируют нетерпимость к чему угодно, что «отдает традицией». Каждая традиция в значительной мере консервативна — но ее консерватизм не может сводиться к тому, что Эдвард

Шилз обозначает как *тотальный традиционализм*. «Под тотально традиционным мы понимаем такой взгляд, который не апеллирует ни к каким иным критериям кроме тех, которые были всеобщими или репрезентативными в прошлом... Но можно по праву спросить — почему то, что старше, нужно считать лучшим? Почему сам факт более раннего существования в истории общества, культуры, страны или вида должен иметь особое значение?» [19. S. 48, 50]. Именно это «почему» является оправданным вопросом молодых скептиков постмодернизма.

Новое «положение дел» в социологии между прошлым и будущим характеризуется кроме когнитивного аспекта (парадигматические изменения) и аспектов социальных (изменение социальных связей и функций, вступление социологии в круг экспертного сообщества), также сменой поколений, которая не проходит, казалось бы, стандартно, как «передача эстафеты», но драматически, — выражаясь словами Ортеги-и-Гассета, — «как борьба и замещение, где старики сметены молодым» [17. S. 10]. Не будем выносить ценностных суждений, но о чем мы должны задуматься — так это о проекции данного состояния на отношение к *обучению социологии*.

Социология в отличие от наук с четко структурированным предметом и педагогической традицией находится в состоянии, в котором чрезвычайно возрастает *ответственность* за качество передаваемого и усваиваемого знания. Это вытекает из того, что социология уже не пугает никого возможными планами рациональной реконструкции мира, но в то же время эффективно функционирует как *одна из форм экспертного знания*; а, с другой стороны, — из того, что сформировалось социально-психологическое окружение, склонное, скорее, к либеральным, чем к каким-либо обязательным и обязывающим формам обучения. Отсюда возникает спор, который касается недооцененных полностью проблем:

- 1) может ли существовать какой-то общеобязательный стандарт знаний, которым необходимо овладеть студентам;
- 2) в какой пропорции следует изучать обязательные и выборные предметы;
- 3) какую роль отводить абстрактной теории (на ее доминирующую роль делал ставку Даниел Белл), а какую — прикладному знанию, овладению необходимыми «навыками», включая трудоемкую исследовательскую методологию;
- 4) каковы должны быть оптимальные масштабы «свободы выбора», предоставляемой студентам при формировании учебной программы;
- 5) какова должна быть пропорция между «классическим» знанием, получаемым традиционными методами (например, через чтение и разбор текстов на семинарах), и знанием, требующим активного использования новых информационных технологий, и т.д.

Последствия перемен, «пережитых» социологией в ее развитии, и прямо пропорциональных динамичному росту обществ позднего модерна вместе с их рисками, реальной и потенциальной конфликтностью, во многом определяют то, какой будет профессия социолога в ближайшем будущем. В стремлении к защите права традиций на «достойную старость» хотелось бы выразить опасение: будущий социолог в своих исследовательских поисках, возможно, будет опираться во-

все не на «плечи гигантов», как говорил Р. Мертон [16], т.е. не на труды классиков, но на замечательно оборудованные современные наблюдательные приборы. При этом кажется, что компромисс между данными полюсами не слишком правдоподобен. Суд о том, что останется надолго, какие идеи, знания, инспирации переживут наше время, вынесет будущее. И для социологии в полной мере имеет значение то, что писал Ортега-и-Гассет о философии: «Если бы философ имел дело только с объектами, философия была бы постоянно философией примитивной. Рядом с вещами находится исследовательский дух, мысли других, все прошлое человеческого размышления, бесчисленные тропы предыдущих исследований, следы дорог, проложенных через вечные заросли проблем, которые сохранили свою девственную неизменность, несмотря на то, что их снова и снова покоряют» [17. S. 5].

Мы должны прилагать усилия к тому, чтобы новейшая социология не примитивизировалась в своей предметной ориентации, не стремилась самонадеянно игнорировать богатое прошлое собственного развития, — те надежные тропинки, которые были протоптаны нашими предшественниками. В самом деле должны? А кто собственно говоря должен?

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [2] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Академия, 1999.
- [3] Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1978. — Т. 2.
- [4] Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М.: Издат. дом «Территория будущего», 2009.
- [5] Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2009.
- [6] Мангейм К. [Манхейм К.] Идеология и утопия // Мангейм К. [Манхейм К.] Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994.
- [7] Alexander J. Fin de Siècle Social Theory. — L. — N.Y.: Verso, 1995.
- [8] Bauman Z. Wieloznacność nowoczesna — nowoczesność wieloznaczna. — Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995.
- [9] Bauman Z., May T. Myslet sociologicky. Netradiční uvedení do sociologie. — Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 2004.
- [10] Boudon R. The Three Basic Paradigms of Macrosociology: Functionalism. Neo-marxism and Interaction Analysis // Theory and Decision. — 1975. — Vol. 6.
- [11] Buchanan P.J. Smrt Západu. Jak vymírání obyvatel a invaze přistěhovalců ohrožují naši zemi a civilizaci. — Praha: Mlada fronta, 2004.
- [12] Collins R. Three Sociological Traditions. — N.Y. — Oxford: Oxford University Press, 1985.
- [13] Durkheim É. Elementární formy náboženského života. Systém totemismu v Austrálii. — Praha: OIKOYMENH, 2002.
- [14] Giddens A. Důsledky modernity. — Praha: Sociologické nakladatelství (SLON), 1998.
- [15] Giddens A. Sociology: A Brief but Critical Introduction. — L.: Macmillan, 1986.
- [16] Merton R.K. On the Shoulders of Giants. — N.Y.: Free Press, 1965.
- [17] Ortega y Gasset J. Úkol naší doby. — Praha: Mladá fronta, 1969.
- [18] Petrušek M. Teorie a metoda v moderní sociologii. — Praha: Karolinum, 1993.
- [19] Shills E. Tradycja // Tradycja i nowoczesność. — Warszawa: Czytelnik, 1984.

SOCIOLOGY BETWEEN THE PAST AND THE FUTURE: TRADITIONS AND PROSPECTS

M. Petrussek

The article by outstanding Czech sociologist Miloslav Petrussek (1936—2012) discusses a number of theoretical, methodological and practical issues of great importance for sociology today. In particular, the author touches upon various approaches to the classification of the Western sociological tradition (R. Collins, R. Boudon), raises the fundamental question of the specific nature of sociological cognition of social phenomena, characterizing its 'multi-paradigm' status, points out a number of difficulties connected with the peculiarities of teaching sociology in universities under the conditions of radical pluralization of intellectual life, typical of the 'post-modern epoch'.

Key words: the sociological tradition, structural functionalism, interpretative sociology, interactionism, critical sociology, sociology of conflict, the principle of complementation, sociology of knowledge, social conditionality of thought, a paradigm, a multi-paradigm structure, the subject and the object in social cognition, reflexive modernity, post-modernity, scientization, sociological education, the legacy of sociology classics.